

Н.К. Радина
**Методологические проблемы гендерных исследований
в отечественной психологии**

Истории гендерных исследований в отечественной психологии нет и четверти века, что объясняет как осторожный интерес психологов к гендерным исследованиям, так и нерешенность ряда методологических вопросов. Наибольшее противостояние между психологами, практикующими исследования, которые они называют «гендерными», разворачивается в пространстве «биологическое – социальное», поскольку достаточно часто сами исследователи «гендер» определяют как «социальный пол», однако на уровне анализа эмпирики различия между мужскими и женскими группами интерпретируют в терминах физиологических или психофизиологических различий (Клецина И.С., 2003). Следовательно, определение «гендера», позволяющее удержаться в рамках социальных (не биологических) интерпретаций, необходимо формулировать более прицельно ориентировано на систему социальных отношений, например: гендер – социальная категория, характеризующая позицию индивида в системе социальных отношений на основе половой принадлежности.

Наложение «гендера» на социальные отношения позволяет вернуть данному понятию социальный статус, не случайно одна из ведущих психологических школ в отечественной психологии, развивающих гендерные исследования, - психология гендерных отношений (И.С.Клецина и ее ученики) - опирается на психологию отношений В.Н.Мясищева (Клецина И.С., 2004). В качестве методологических оснований для гендерного анализа также возможно использование культурно-исторической теории Л.С.Выготского (акцент - на усвоении и воспроизводстве культурных знаков гендера в процессе гендерной социализации) или использование субъектно-деятельностного подхода С.Л.Рубинштейна (акцент - на субъектности, творчестве личности в процессе воспроизводства и трансформаций гендерных отношений) (Радина Н.К., 2008).

Кроме артикулируемых и обсуждаемых проблем в развитии гендерных исследований в российской психологии также существуют проблемы, недостаточно отрефлексированные, тормозящие и искажающие гендерные исследования (например, нерелевантность теоретических конструктов и психодиагностических инструментов, на основании которых собираются эмпирические данные).

Обучение психологов-исследователей строится на основе усвоения определенных аксиом, правил и норм. Согласно одной из аксиом, научная парадигма предполагает единую логику, алгоритм развития научной идеи, включая закон, теорию, их практическое применение, метод, оборудование и пр., следовательно, в научном действии, научном проекте теория и методики сбора эмпирических данных должны быть согласованными (Дружинин В.Н., 2008). Также «методологическая стройность» исследования обусловлена соответствием трех методологических уровней производства «научного продукта»: общефилософского, общенаучного и конкретно-научного (Маланов С.В., 2005).

На общефилософском уровне гендерные исследования базируются в русле традиций постмодернистского направления (социальный конструктивизм), феноменологии, герменевтики, экзистенциальной философии (Теория и методология гендерных исследований; 2001), то есть на общенаучном уровне будут тяготеть к гуманитарной парадигме, требуя от психологических концепций, представляющих конкретно-научный уровень, учета данной методологической базы: соблюдения правил, характерных для

феноменологического, герменевтического или «постмодернистского толкования», а также гуманитарной парадигмы.

Ключевая методика, на основе которой в настоящее время российские психологи изучают «гендер» - опросник «психологической андрогинии» С.Бем. В контексте исторического развития психологического знания, данный опросный инструмент (и теория С.Бем, в русле которой он был создан) играли важную роль «перелома» в понимании «мужского» и «женского» в психологии. Так, в 30-60-х годах XX века психологами были созданы несколько специальных шкал для измерения «маскулинности – феминности» (например, шкала маскулинности-феминности опросника ММРІ, шкала маскулинности Дж.Гилфорда, шкала «феминности – маскулинности» Р.Кеттела и др.). Предполагалось, что в пределах некоторой нормы индивиды могут различаться по степени выраженности у них «маскулинных» и «феминных» качеств, но сами качества представлялись альтернативными, взаимоисключающими (высокая маскулинность должна коррелировать с низкой феминностью и т.д.), причем для мужчины нормативна высокая маскулинность, а для женщины – высокая феминность (Кон И.С., 1981).

В опроснике С.Бем жесткий нормативизм уступил место идее континуума маскулинно-феминных свойств (Bem S. 1974). В соответствии с предположением о «психологической андрогинии» (возможном сосуществовании «мужских» и «женских» психологических черт у одной личности), опросник С.Бем состоял из пары двуполюсных конструкторов (феминное / маскулинное) и разделял все поле значений личностных особенностей на 4 области – группы: андрогинный, феминный, маскулинный и недифференцированный. Появление в научном психологическом аппарате понятия «психологическая андрогиния», на первый взгляд, давало возможность в процессе изучения рассматривать конкретную личность как бы вне полоролевых норм. Однако реальные научные изыскания, использующие идеи и опросник С.Бем о психологической андрогинии, на уровне интерпретаций по-прежнему воспроизводили условную социальную норму (для женщин «нормально» - феминное, а для мужчин – «маскулинное»), возрождая в интерпретациях результатов жесткие консервативные гендерные стереотипы, игнорировали вариативный культурный контекст, что совершенно недопустимо, учитывая традиции «гуманитарной парадигмы» в гендерных исследованиях.

Признаки разочарования в концепции «психологической андрогинии» со стороны отечественных психологов можно обнаружить при анализе особенностей построения программы научного исследования (см., например, исследование В.В.Знакова о макиавеллизме у мужчин и женщин) (Знаков В.В., 2004). Однако сама С.Бем еще в конце XX века отказалась от концепции «психологической андрогинии», признав ее несостоятельность (Бем С., 2004). В новой теории «гендерных линз» С.Бем подвергла критике идею приписывать человеческим качествам и поведению маркеры мужского и женского, убедительно доказав, что представления о мужчинах и женщинах, укоренившиеся в культуре и социальных институтах, трансформируются в представления индивида и «саму его психологию». Анализируя механизмы, посредством которых формируется система познания на основе пола, С.Бем показала, как искусственно приписываются половые признаки огромному количеству явлений (так, например, смелость и власть приписываются мужчинам, а робость и пассивность – женщинам).

Теоретические поиски тем не менее не снимают с повестки дня проблему адекватного психодиагностического инструмента для проведения гендерных исследований: так, отказавшись от опросника «психологической андрогинии» С.Бем, необходимо искать новый, более эффективный инструмент изучения гендерных отношений. Без специально ориентированного психодиагностического инструмента возможно, например, изучать изменения в личностном развитии (на основе стандартных опросников), которые происходят в процессе гендерной социализации, интерпретируя возрастные изменения субъектов развития как результат интериоризации и интерпретации содержания «гендерной культуры» общества, в котором происходит взросление (Радица Н. К., Терешенкова Е.Ю., 2006). Однако

необходимо в принципе обсуждать, насколько возможно использование опросников (стандартизированных процедур) для концепций и теорий, изначально методологически ориентированных на гуманитарную парадигму, следовательно, преимущественно на качественные, а не количественные методы в социальных исследованиях (Петренко В.Ф., 2002; Улановский А.М., 2006; 2009).

Конфликт между качественными и количественными методами снимается, если обратиться к позиции К.Левина, представленной в его размышлениях об аристотелевском и галилеевском способах мышления в современной психологии. Галилеевское мышление стирает жесткую границу между количественным подходом, ориентированным на частоту встречаемости, среднее и норму, и качественным – ориентированным на уникальное, особенное (Левин К., 1990). При этом ряд старых опросников, построенных по стандартам аристотелевского мышления (в том числе и опросник «психологической андрогинии» С.Бем), оказываются неизбежно отвергнутыми, поскольку не соответствуют ключевым принципам галилеевского мышления: никаких ценностных концепций и дихотомий, валидность всех законов без исключения. Новые опросники, таким образом, должны создаваться под новые теоретические концепции, постоянно проходя проверку и обновления.

В ситуации с гендерными исследованиями в психологии необходимо помнить, что кроме социологии, конкретизирующей понятие «гендерная система общества», гендерная психология также граничит с социальной антропологией, определяющей понятие «гендерная культура». Создавая опросный инструмент, психологи не могут игнорировать факт, что гендерная идентичность конструируется субъектом развития в процессе гендерной социализации на основании культурного материала своего общества, соответствующего культурно-исторической ситуации: изменяющаяся экономическая, социальная, политическая жизнь общества трансформирует как гендерную культуру социума, так и изменяет стандарты развития гендерной идентичности мужчин и женщин. Таким образом, исследователям, ориентированным скорее на количественные, нежели качественные исследования, нужны опросники нового типа, позволяющие уловить изменяющиеся ориентиры в построении гендерной идентичности, не противоречащие как современности, так и ключевым методологическим позициям философского основания гендерных исследований.

В настоящее время существуют единичные попытки создать обновленный инструментарий, соответствующий требованиям социально-конструктивистского понимания гендера (Радица Н.К., Никитина А.А., 2011). Возрастающий интерес российских психологов к качественному подходу, феноменологии и социальному конструктивизму, возможно, будет способствовать существенному обновлению психодиагностического аппарата в целом (Леонтьев Д.А., 2010), а также созданию новых психодиагностических инструментов изучения гендерных отношений, гендерной социализации, гендерной идентичности.

Список литературы

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
2. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб: Питер, 2008. 320 с.
3. Знаков В.В. Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психологический журнал. 2004. Т. 25. №1. С. 41 - 51.
4. Клецина И.С. От психологии пола - к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. 2003. №1. С. 61 - 78.
5. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. Монография. СПб.: Алетейя, 2004. 408 с.
6. Кон И.С. Психология половых различий // Вопросы психологии. 1981. №2. С. 47 - 57.
7. Левин К. Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // Психологический журнал. 1990. Том 11. №5. С. 134 – 158.

8. Леонтьев Д.А. Перспективы неклассической психодиагностики [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2010. №4 (12). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/353-leontiev12.html> (дата обращения 30.05.2012).
9. Маланов С.В. Методологические и теоретические основы психологии. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2005. 336 с.
10. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. Т. 23. №3. 2002. С. 113 – 121.
11. Радина Н.К. Методологические ресурсы субъектно-деятельностного подхода для гендерных исследований в психологии // Материалы 4-й Всероссийской научно-практич. конференции «Личность и бытие: субъектный подход». М.: Институт психологии РАН, 2008.
12. Радина Н.К. Никитина А.А. Социальная психология мужественности. Социально-конструктивистский подход. М.: Боргес, 2011. 172 с.
13. Радина Н. К. Терешенкова Е.Ю. Возрастные и социокультурные аспекты гендерной социализации подростков // Вопросы психологии. 2006. №5. С. 49 – 5.
14. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О.А. Ворониной. М.: МЦГИ - МВШСЭН - МФФ, 2001. 416 с.
15. Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27 – 37.
16. Улановский А.М. Качественные исследования: подходы, стратегии, методы // Психологический журнал. 2009. Т.30. №2. С. 18 – 28.
17. Bem S. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. P.165-172.